Цзянь Тан достала из швейного набора длинную блестящую серебристую иглу. Девушка слегка приподняла ее, та отразила холодный свет.

Глаза Ляньшэня расширились, а тело непроизвольно содрогнулось.

— Даже если Сяо Гао помогла тебе спрятать его, я знаю, что это сделал ты.

Ляньшэнь захныкал и начал заикаться:

— Я, я, я…

— Сяо Гао, держи его.

Сяо Гао посмотрела на Ляньшэня, а затем перевела взгляд на Цзянь Тан, и, взвесив ее мнение, произнесла:

— Госпожа Линь, может на этот раз вы не будете заострять на этом внимание? Шэньшэнь всего лишь ребенок, это нормально – быть непослушным и невежественным, он не нарочно это сделал.

— Разве можно оправдываться тем, что ты ребенок? Непослушание можно использовать как предлог, чтобы причинять боль людям? — Цзянь Тан переспросила: — Выходит, он может убивать, поджигать других, и пользоваться своим возрастом как отговоркой?

Сяо Гао склонила голову, неохотно шагнула вперед и толкнула Ляньшэня в сторону Цзянь Тан.

Дрожа от страха, как маленький ежик с ободранными колючками, Ляньшэнь окончательно потерял всю свою дерзость.

С равнодушным выражением лица Цзянь Тан схватила его маленькую руку. Крошечные пальчики Ляньшэня были белые, пухлые и очень милые.

Крепко держа его, она сказала:

— Я думаю, что в последнее время у тебя слишком горячий дух. Позволь мне охладить тебя.

Затем она указала кончиком иглы на его палец и уколола его. Вскоре просочилась капля крови.

Ляньшэнь еще ничего не ответил, а когда он пришел в себя, то громко закричал:

— Мне больно!

Он кричал и топал ногами, изо всех сил пытаясь вырваться, но Цзянь Тан была сильнее его.

— Это, по-твоему, больно?

Цзянь Тан усмехнулась:

— Мне было еще больнее!

Затем она дернула его за другой палец.

Она была быстра, точна и беспощадна и делала все без малейшего колебания. Это просто…

Кровь этого мальчика была черной, в нем действительно было много горячего воздуха. Хорошо, что была возможность помочь ему с лечением, это поможет ему запомнить этот урок надолго. Лишь тогда, когда ему будет больно, он поймет, что он должен делать, а что нет.

П.п.: Шан Хуа (□□) — Горячий воздух, он же «Yeet hay» — это «ацидоз». Это то, что случается, когда вы едите жареную, жирную, острую пищу, любой тип пищи или фруктов, которые содержат (инь) горячую энергию, которая может привести к боли в горле, апатии… (https://williamli81.wordpress.com/2013/02/08/is-yeet-hay-□□-just-a-load-of-hot-air)

Зрелище больше не поддается контролю. Отчаянный крик Ляньшэня эхом разнесся по всей гостиной. На выходе с лестницы Ляньцянь, дрожа всем телом, потянула Чуи:

— Старший брат, мы… мы должны позвонить папе? Ляньшэнь умрет…

Чуи посмотрел на все происходящее вокруг, в его глазах не было ни радости, ни печали. Он внезапно вспомнил время, проведенное в темном чулане, дни и ночи прожитые, глядя сквозь узкую щель на своего младшего брата, которого нежно обнимала мать, а все, что досталось ему – это темнота и холод…

Увидев, что Ляньшэнь плачет, он в душе усмехнулся. Кроме того, он ощутил непередаваемое удовольствие, удовлетворение…

Цяньцянь почувствовала себя несколько странно из-за того, что ее брат молчал, она слегка приподняла голову и встретилась с его непривычным, очень странным взглядом, словно взглядом совсем чужого человека.

— Старший брат…

Чуи повернулся, и нежно погладил ее по волосам:

— Пойдем наверх.

— Но…

— Шэньшэнь совершил ошибку, он должен быть наказан.

Затем, взяв Цяньцянь за руку, он пошел наверх.

Любой ребенок имел мало физической силы, и у Ляньшэня, который долго плакал, уже совсем не осталось сил, он жалобно всхлипывал, потирая свои маленькие окровавленные пальчики.

Сяо Гао стиснула зубы и тихо удалилась, чтобы позвонить Линь Суйчжоу. Совершив секретный звонок, Сяо Гао потеряла самообладание от волнения и торопливо сказала:

— Скажите господину Линь, чтобы он поскорее возвращался домой, иначе молодой господин будет замучен до смерти госпожой.

— Но сейчас господин Линь на совещании.

— Совещание не важнее жизни!

Затем Сяо Гао снова бросила взгляд на Ляньшэня, вглядываясь в красные и опухшие глаза, полные обиды.

Сяо Гао встревожилась:

— Поспешите сообщить господину Линь, чтобы он как можно скорее вернулся домой.

После она повесила трубку и прибежала обратно:

— Мадам, юный господин Ляньшэнь уже осознал свою ошибку. Позвольте мне сперва перевязать вашу рану.

Затем Сяо Гао быстро выхватила серебряную иглу из ее рук Цзянь Тан, открыла аптечку и села перед ней. Цзянь Тан протянула руку, чтобы остановить девушку, ведь она тоже не хотела заходить слишком далеко. Цзянь Тан взглянула на два уколотых пальчика:

— Пальцы связаны с сердцем, ты ощущаешь боль?

Ляньшэнь кивнул, задыхаясь от всхлипов, не в силах вымолвить ни слова.

— Тогда скажи, а мне было больно?

Тот никак не реагировал и продолжал всхлипывать.

Цзянь Тан притянула Ляньшэня поближе:

— Зачем ты воткнул это в мамин ботинок?

Ляньшэнь молчал.

Цзянь Тан тоже не двигалась и спокойно смотрела на Ляньшэня.

Через некоторое время он тихо пробормотал:

— Я не хочу, чтобы мама учила других детей танцевать.

Цзянь Тан нахмурилась:

— Почему?

— Потому что ты будешь любить других детей, а потом… потом отдашь им все мои игрушки.

Ляньшэнь говорил, всхлипывая. Он сейчас был очень огорчен, у него болели пальцы, но еще больнее было его сердцу. Ему казалось, что его мама стала сущим дьяволом. Раньше она никогда не сердилась на него, но почему она так обошлась с ним сейчас? Чем больше он думал об этом, тем более расстроенным и подавленным он становился. Мальчик не мог выразить ничего словами и лишь отчаянно плакал.

— Кто велел тебе это сказать?

Ляньшэнь вытер слезы:

— Это сказал старший брат.

Чуи…

Цзянь Тан была в шоке. Пока она находилась в оцепенении, Линь Суйчжоу вошел в дом.

Увидев, что отец вернулся, Ляньшэнь почувствовал, что у него наконец-то появилась поддержка, он тут же подбежал к нему и обнял его за ногу с выражением лица, полным обиды.

— Папа-а-а!

Его маленькое личико было залито слезами. Линь Суйчжоу знал, что его второй сын непослушный, но он никогда раньше не видел, чтобы он так отчаянно плакал. Отец присел на корточки и прикоснулся к его лицу:

— Что случилось, ты опять огорчил свою маму?

Ляньшэнь показал ему свои руки. Нежные маленькие ручки были измазаны кровью, на них было просто невозможно смотреть.

Линь Суйчжоу взглянул на Цзянь Тан с удивлением:

— Ты это сделала?

Она еле слышно ответила:

— Да.

— Цзянь Тан, ты спятила?

Услышав вопрос Линь Суйчжоу, Цзянь Тан отвернулась и даже не взглянула на него.

У нее было совершенно холодное сердце. Женщина посвятила этой семье лучшие годы своей жизни. Она не могла ни противиться, ни уклоняться. Ей оставалось только угождать и терпеть. Из-за своей слабости она заслужило то, что над ней насмехались и презирали ее собственные дети. И что она получила за все эти годы? Думая о своем конце в этой игре, Цзянь Тан внезапно почувствовала себя обиженной. Жизнь ее в глазах этой семьи ничего не значит.

— Линь Суйчжоу, — посмотрела на него Цзянь Тан. Ее глаза были спокойны, в них не было ни малейших эмоций: — Давай разведемся, дети останутся с тобой.

Она признала, что слишком холодна и не могла согреть сердца людей в этой семье. Ради собственной жизни она должна покинуть их как можно скорее. Цзянь Тан знала, что она не может быть хорошей женой и любящей матерью. Она всю жизнь была одна и никогда не думала о том, чтобы иметь семью и детей. Даже если теперь у нее есть дети, она не может делать то, что делают другие матери, сжигать себя и освещать других. Она эгоистка, она не может этого сделать.

— Наши отношения были неправильными с самого начала. Моя мать хотела заполучить богатство семьи Линь, поэтому она использовала меня как разменную монету. Но после стольких лет нам больше нет смысла мучить друг друга. Я уже родила тебе детей, ты должен оставить меня и найти красивую молодую женщину, которую ты сможешь полюбить.

Цзянь Тан холодно рассмеялась и посмотрела на Линь Ляньшэня, который вообще не смел пошевелиться:

— Тогда ты получишь детям нежную и добрую мачеху, верно, Ляньшэнь?

Ляньшэнь не был глуп. Он мог понять, что ситуация была неправильной. Он крепко сжал рубашку Линь Суйчжоу и сжал губы.

Она отвела взгляд, встала и пошла наверх. Из-за боли в ногах она прихрамывала.

— Что у нее с ногами?

После того, как Цзянь Тан ушла, Линь Суйчжоу посмотрел на Сяо Гао.

Сяо Гао внимательно посмотрела на Ляньшэня и сказала:

— Молодой мастер Ляньшэнь вставил кнопку в танцевальную туфельку мадам...

Атмосфера стала странной. Суйчжоу закрыл глаза. Ляньшэнь медленно отпустил его руки, и медленно отвернулся от отца.

— Встань во дворе, тебе нельзя входить.

— Но...

— Никаких но.

Ляньшэнь всегда уважал своего отца. Он думал, что он будет на его стороне, но никогда не ожидал, что даже отец накажет его.

Он стиснул зубы и сердито заорал на него:

— Я ненавижу тебя!..

Закончив, он выбежал весь в слезах.

— Рана мадам еще не обработана.

— Я знаю, дай мне аптечку.

Сяо Гао протянула ему коробочку с лекарствами. Сначала она хотела сказать несколько слов, чтобы убедить Линь Суйчжоу, но вспомнила, кто она такая, и, в конце концов, промолчала.

Цзянь Тан перевернула все в спальне в поисках паспорта и свидетельства о браке. Она обыскала почти все ящики, но так и не нашла его. Может быть, под кроватью?

Пока Цзянь Тан заглядывала под кровать, краем глаза она заметила пару длинных ног. Она подняла глаза и увидела чрезвычайно холодное лицо Линь Суйчжоу.

Лицо Цзянь Тан мгновенно осунулось, и она продолжала искать, как будто не видела его.

— Твой паспорт у матери, а свидетельство о браке в сейфе кабинета.

— Тогда мы сделаем это завтра.

Он поднял ее, как только она закончила говорить.

— Что ты делаешь?! — громко воскликнула Цзянь Тан и яростно ударила Линь Суйчжоу по его мускулистой руке.

Он ничего не сказал, а вместо этого положил Цзянь Тан на кровать, затем присел на корточки и взял ее за ногу. Кнопка вошла глубоко. Хотя кровотечение прекратилось, область вокруг раны была красной и опухшей. Линь Суйчжоу достал лекарство и осторожно продезинфицировал ее рану.

— Уходи. Мне не нравится, что ты лечишь мою травму.

Он был настолько силен, что даже когда Цзянь Тан попыталась сильно ударить его, она все еще не была в силах вырваться.

— Успокойся и дай мне сначала закончить с лекарствами, а потом мы поговорим.

Услышав это, Цзянь Тан перестала сопротивляться и уставилась на Линь Суйчжоу, скрестив руки на груди:

— Я посвятила себя тебе на много лет, но я не буду просить от тебя многого. Мне нужен только дом в центре города. Что касается других семейных активов, то я позволяю тебе самому

принимать решение. Меня не волнуют акции компании. Конечно, трое детей – твои. Ты можешь подумать об этом. Если ты согласен, мы продолжим формальности завтра. Если нет, увидимся в суде.

Линь Суйчжоу купил многоэтажный кооператив в центре города, район очень оживленный. Рядом торговая улица, а сзади торговая площадь. Для нее это будет началом возобновления прежней карьеры и продолжения карьеры актрисы. Несмотря на то, что в настоящее время нет никакого фундамента, с ее внешностью и опытом, который она накопила в предыдущей жизни, даже если она не может быть главной звездой, по крайней мере, она может стать маленькой актрисой. К тому времени, живя свободной жизнью, не нужно было расстраиваться так, как сейчас.

Вскоре первая помощь была оказана.

Линь Суйчжоу поставил аптечку, придвинул стул и сел:

— Я не разведусь с тобой.

— Почему?

— Детям нужна мать.

— И это все?

— Семье Линь нужна хозяйка дома.

Цзянь Тан подняла бровь:

— Я уже говорила, что ты можешь найти новую девушку, которую будешь любить.

Глаза Линь Суйчжоу внезапно потускнели, они были глубокие, как древний колодец, бездонные:

— Я не согласен. Вот мой ответ.

— Тогда я подам на тебя в суд.

Он вдруг рассмеялся, словно насмехаясь над невинностью и глупостью Цзянь Тан. Линь Суйчжоу подошел к ней, его окружала подавляющая аура, большой крепкой рукой он схватил ее за подбородок:

— Хорошо, ты можешь подать на меня в суд, я даже найму для тебя адвоката, но… подожди и посмотрим, сможешь ли ты добиться успеха.

Он прикоснулся к уголку ее нижней губы и отстранился:

— Все остается прежним, я даю тебе жизнь, которую ты хочешь, ты выполняешь свой долг как хорошая мать детей. Но развод невозможен.

Линь Суйчжоу встал и покинул ее, его спина отражала его холод и высокомерие.

Цзянь Тан стиснула зубы, подняла подушку и бросила ее:

— Ты сошел с ума!

Развод! Она не верит, что не может развестись с ним!

В то время как она все еще была вне себя от гнева, голос, который не появлялся в течение долгого времени, внезапно прозвучал в ее голове. Сяо Кэ слабо сказал:

[Хозяйка, мир вращается вокруг Линь Суйчжоу и тебя. Если вы разведетесь… ты умрешь на месте.]

— Умру? Мне все равно! — Цзянь Тан сердито сказала: — В любом случае я больше не хочу жить. Кроме того, разве моя миссия не состоит в том, чтобы помочь Ся Хуайжуню?

Голос Сяо Кэ стал еще тише:

[Но главная сюжетная линия твоего персонажа – хорошая жена и любящая мать, если ты разведешься, то станешь одинокой леди, как ты сможешь продолжать свою роль хорошей жены и любящей матери? Если только Линь Суйчжоу сам не возьмет на себя инициативу бросить тебя, и откажется от тебя, то основная линия персонажа будет вынужденно прекращена, но как событийный персонаж ты не можешь отказаться от этой задачи.]

Но подумав над этим еще немного, Цзянь Тан остыла.

Она усмехнулась:

— О, тогда я буду бить его сына каждый день, чтобы посмотреть, не откроет ли он рот первым.

[Ты что, дьявол?]

— Так и есть.

«…»

Цзянь Тан постепенно успокоилась после глубокого вздоха. В этот момент из-за двери послышался какой-то звук. Через полузакрытую дверь заглянул Чуи, выглядя встревоженным. Как только она увидела Чуи, пламя ярости Цзянь Тан снова вспыхнуло.

— Я как раз хотела найти тебя. Входи.

Чуи моргнул и медленно направился к Цзянь Тан.

— Линь Чуи, зачем ты подговорил своего брата причинить мне боль? В прошлый раз в парке развлечений это тоже сделал ты, верно?

Его ясные глаза смотрели на Цзянь Тан, в них читалась печаль:

— Мама, я этого не делал.

Даже при таких обстоятельствах он все еще был упрям и не признавал свою вину.

— Тебе не нужно это скрывать, твой младший брат уже все мне рассказал. Зачем ты это сделал?

Чуи потянул ее за рукав, губы упрямо выпрямились, а глаза наполнились слезами. Он медленно открыл рот и сказал тоненьким голоском:

— Потому что… потому что…

— Почему?

— Потому что…

Чуи поднял глаза, его губы задрожали, и он заплакал.

П.п.: Темная сторона Чуи будет раскрыта в следующей главе…

http://tl.rulate.ru/book/39340/1413062